



ПРОФЕССОРЪ

Митрофанъ Дмитріевичъ

МУРЕТОВЪ

(† 11 марта 1917 года).

10-го марта 1917 года Московская Духовная Академія была потрясена печальнымъ извѣстіемъ о томъ, что старѣйшій членъ академической корпораціи, котораго она всего лишь нѣсколько дней назадъ видѣла въ своей средѣ на засѣданіи академическаго Совѣта, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Митрофанъ Дмитріевичъ Муретовъ вечеромъ наканунѣ разбитъ параличемъ и находится въ тяжеломъ, даже безнадежномъ положеніи. Борьба между жизнью и смертью продолжалась недолго, и утромъ 11-го марта, въ 9^{1/2} часовъ утра, академическаго ветерана не стало. То были дни особые и для всей Россіи, и для академіи въ частности,—первые дни послѣ революціи. Однако сердце многихъ учениковъ и почитателей покойнаго и всѣхъ, кому дорога богословская наука, откликнулись горькой и болѣзненной скорбью на эту преждевременную и внезапную кончину и на незамѣнимую для академіи научную потерю. Въ послѣдніе годы Митрофанъ Дмитріевичъ былъ единственной живой связью молодой академіи съ академіей старой, носителемъ академическихъ традицій, образцомъ нераздѣльнаго служенія и преданности наукѣ. Онъ былъ и нѣсколько своеобразнымъ типомъ „деревенскаго“ профессора Московской академіи, съ которой онъ такъ тѣсно сросся за долгіе годы нераздѣльнаго ей служенія.

Почившій М. Д. Муретовъ былъ сыномъ священника Рязанской епархіи, скончавшагося іеромонахомъ и духовникомъ Московскаго Данилова монастыря. Родился 11 августа 1850 года. Вспоминая свое дѣтство, М. Д. Муретовъ называлъ себя „деревенщиной полунищенской, полукрестьянской“. „На навозѣ, въ поляхъ, лугахъ и лѣсахъ, вмѣстѣ съ русскимъ мужикомъ выросли“—писалъ онъ (Богословскій Вѣстникъ, 1916, т. 3, стр. 608). О своихъ студенческихъ годахъ М. Д. подробно разсказалъ самъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ студента XXXII курса“ (Богословскій Вѣстникъ, 1914, т. 3, стр. 646—676; 1915, т. 3, стр. 700—784; 1916, т. 3, стр. 582—612).

„Заявивъ начальству рязанской семинаріи о моемъ согласіи продолжать образованіе въ духовной академіи, я мало заботился о томъ, въ какую академію меня пошлютъ. А о московской академіи я даже не зналъ, что она находится въ 66 верстахъ отъ Москвы, въ Сергіевомъ посадѣ“—такъ начинаются воспоминанія Митрофана Дмитріевича. Со словъ покойнаго можно еще прибавить, что, пробираясь на приемные экзамены и пріѣхавъ изъ Рязани въ Москву, онъ нанялъ извозчика „въ Академію“ и тотъ привезъ его въ Петровскую Академію, гдѣ будущій профессоръ академіи и узналъ, что до духовной академіи нужно ѣхать еще 66 верстъ. Искренно и откровенно написанныя „Воспоминанія“ характеризуютъ ихъ автора въ студенческіе годы студентомъ, всецѣло погруженнымъ въ научныя академическія занятія, съ увлеченіемъ работающимъ надъ сочиненіями. Однако, это не былъ студентъ, одинаково усердно занимающійся всѣмъ, что только ему предложено. Нѣтъ, только тема, затронувшая интересъ души, привлекала къ себѣ все его вниманіе и трудолюбіе. А то, что нужно было дѣлать только по необходимости, то исполнялось, „чтобы только отдѣлаться формально“. Но и такихъ захватывающихъ все вниманіе научныхъ работъ было много въ теченіе всего академическаго курса, такъ что именно этими научными работами было заполнено все время. М. Д.—чѣ самъ вспоминаетъ: „На постороннее чтеніе, по крайней мѣрѣ у меня, времени не было: несмотря на всѣ усилія припомнить читанныя мною книги, могу назвать только: сочиненія Хомякова и записки Пяръ-Ла-Шеза на французскомъ языкѣ), и то во

время лѣтнихъ каникулъ (бралъ у помѣщика), Фюстель-де-Куланжа, Дрепера, автобіографію протопопа Аввакума, проповѣди Іоанна Смоленскаго. Затѣмъ,—не помню, гдѣ бралъ,—я читалъ Анну Каренину въ Русскомъ Вѣстникѣ, но не до конца,—съ окончаніемъ романа, я познакомился поздно, когда былъ уже пожилымъ профессоромъ. Вотъ кажется, и весь багажъ мною прочитаннаго посторонняго матеріала за все четырехлѣтіе студенчества. Едва-ли много опускаю я по забвенію“ (Богословскій Вѣстникъ, 1916, т. 3, стр. 600). Научныя симпатіи студента Муретова склонялись особенно въ сторону вопросовъ философскихъ. По его воспоминаніямъ мы видимъ, что особенно много и съ исключительнымъ интересомъ онъ работаетъ надъ сочиненіемъ на тему проф. В. Н. Потапова: „Философскія воззрѣнія Джіордано Бруно и вліяніе ихъ на новую философію“. И о другихъ работахъ надъ философскими темами М. Д. воспоминаетъ съ особенной любовью (См. Богословскій Вѣстникъ, 1915, стр. 714—716). Склонность къ философіи сказалась и въ выборѣ темы для кандидатской работы. При переходѣ на 3-ій курсъ М. Д. беретъ тему у В. Д. Кудрявцева: „Спекулятивный тензмъ“ и лѣтомъ въ деревнѣ читаетъ Ульрици, Лотце и Фихте младшаго. Но работа надъ этой темой не пошла и довела М. Д. до признанія своей негодности къ тому дѣлу, которое раньше онъ считалъ своимъ призваніемъ, неспособности къ спекулятивному мышленію. „Моя полная, пишетъ онъ, спекулятивная неподготовленность, головоломная тарабарищина нѣмецкой спекуляціи, искусственно-туманный нѣмецкій философскій жаргонъ, усугубленный мудрованіями русскихъ переводчиковъ... Въ моей головѣ получился величайшій сумбуръ: я не зналъ, что и какъ писать,—умъ заходилъ за разумъ,—я мучился въ бесплодныхъ усиліяхъ что-то схватить, о чемъ-то думать, чему-то дать опредѣленность и освѣщеніе. Это что-то безформенное, неуловимое, мутное, наконецъ, разстроило мои нервы, лишило сна, аппетита, навело уныло-подавленное настроеніе“ (В. В. 1915, стр. 743). Несмотря, однако, на такую неудачу съ чисто философской темой, М. Д. окончательно успокаивается и осѣдаетъ на темѣ все же философской—о Филонѣ александрійскомъ, на какую тему и пишетъ сочиненіе проф. архим. Михаилу, который поставилъ условіемъ сравненіе Филоновой логологии

съ Иоанновой. Такъ философія привела Митрофана Дмитріевича еще на студенческой скамьѣ къ Священному Писанію, въ частности, къ Новому Завѣту. Въ эту же область вели М. Д. и его филологическіе интересы. „Я любилъ, писать онь, заниматься языко-пзученіемъ и всѣмъ, съ нимъ связаннымъ“ (Б. В. 1915, т. 3, стр. 743), греческій языкъ я любилъ, и съ большимъ любопытствомъ слушалъ лекціи по языку новозавѣтному, святоотеческому, церковно-богослужебному,—и съ особеннымъ удовольствіемъ занимался языкомъ новогреческимъ (Тамъ же, стр. 751). Для своей специализаціи на 4-мъ курсѣ академіи М. Д. беретъ группу греческаго языка вмѣстѣ со Св. Писаніемъ Новаго и Ветхаго Завѣта, причемъ посѣщаетъ почти исключительно лекціи С. К. Смирнова по греческому языку и Св. Писанія Новаго Завѣта у архим. Михаила. Такъ еще на студенческой скамьѣ М. Д. приступилъ къ новозавѣтной наукѣ съ подготовкой философской и филологической. Слѣдуетъ еще отмѣтить, что неудача съ чисто философской темой имѣла для М. Д. еще одинъ отрицательный результатъ. „Я, вспоминаетъ онь, почувствовалъ и, думается, справедливо, полное отвращеніе къ нездоровой, можетъ быть, патологической, и во всякомъ случаѣ схоластическо-искусственной туманности нѣмецкой философской спекуляціи. Я убѣдился въ томъ, что вся эта нѣметчина есть *мудренность*, а не *мудрость*,—мудрованіе, схоластика и резонерство, а не разумъ, правда и премудрость,—и что если снять съ нея всю эту мудровательнонѣмецкую шелуху, она окажется не выше древне-греческой философій,—а о христіанской уже не говорю,—только замудреніемъ мудраго и затемнѣніемъ яснаго“ (Б. В. 1915, т. 3, стр. 744). Во многихъ трудахъ М. Д. мы находимъ такіа же разсужденія. Основа ихъ, какъ видно, была заложена еще въ студенчествѣ.

Въ 1877 году М. Д. Муретовъ окончилъ курсъ академіи первымъ студентомъ по богословскому отдѣленію и немедленно былъ назначенъ преподавателемъ греческаго языка въ Тамбовскую духовную семинарію. Но вдали отъ академіи М. Д. пробылъ очень немного, всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ: 27 сентября того же 1877 года онь былъ избранъ преподавателемъ греческаго языка въ Виѣнскую духовную семинарію, гдѣ одновременно былъ преподавателемъ и Свя-

ценнаго Писанія. Съ 1878 года начинается академическая служба М. Д. Муретова: 28 октября 1878 онъ былъ избранъ приватъ-доцентомъ по кафедрѣ Св. Писанія Новаго Завѣта, а въ 1884 году переименованъ въ „исправляющаго должность доцента“. Въ то же время закончена была печатаніемъ магистерская диссертация: „Ученіе о Логосѣ у Филона александрійскаго и Іоанна Богослова въ связи съ предшествовавшимъ историческимъ развитіемъ идеи Логоса въ греческой философіи и іудейской теософіи“ (Москва 1885), за которую М. Д. Муретовъ былъ удостоенъ степени магистра богословія (іюня 16-го 1885 г.) и утверждень въ должности доцента академіи. Черезъ шесть лѣтъ появилась уже докторская диссертация: „Ветхозавѣтный храмъ. Ч. I. Внѣшній видъ храма“ (Москва 1891). Дѣло о полученіи докторской степени осложнилось, такъ какъ одинъ изъ рецензентовъ—доцентъ А. А. Ждановъ призналъ диссертацию не удовлетворяющей своему назначенію. Вопросъ былъ спорный, такъ какъ въ своей книгѣ М. Д. выступилъ противникомъ „общепринятаго“ взгляда на внѣшній видъ скиній Моисеевой и Соломонова храма. Между М. Д. Муретовымъ и А. А. Ждановымъ возгорѣлась полемика въ довольно повышенныхъ и рѣзкихъ тонахъ. М. Д. напечаталъ цѣлую книжку подъ заглавіемъ: „Критика и критиканство“, на которую А. А. Ждановъ отвѣтилъ двумя брошюрами подъ названіемъ: „Новѣйшій реставраторъ ветхозавѣтнаго храма“. Совѣтъ Академіи докторскую степень М. Д.—чу присудилъ, но Св. Синодъ передалъ дѣло на разсмотрѣніе Совѣта Казанской Духовной Академіи и лишь послѣ того, какъ и совѣтъ Казанской академіи призналъ книгу достаточной для увѣнчанія ея автора докторской степенью, М. Д. былъ утверждень (1893 г. апр. 10) въ степени доктора богословія. Послѣ полученія докторской степени М. Д. Муретовъ былъ сразу избранъ (1 мая 1893 г.) въ званіе ординарнаго профессора. По выслугѣ 25 лѣтъ М. Д. Муретовъ былъ утверждень въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора академіи (15 дек. 1903 г.). Профессорской службы М. Д. не покидалъ добровольно. Лишь когда новый уставъ академіи 1910 года ограничилъ срокъ профессорской службы 30-ю годами, М. Д. вышелъ въ отставку, но и послѣ того по особому ходатайству академіи ему было предоставлено читать лекціи, уча-

ствовать въ засѣданіяхъ академическаго совѣта и исполнять различныя порученія Совѣта. Такой сверхштатной профессорской службы М. Д. Муретовъ не оставлялъ до самаго конца своей жизни. Кромѣ преподаванія Свящ. Писанія Новаго Завѣта, М. Д. Муретовъ съ 20 сент. 1885 г. по 14 мая 1893 г. состоялъ лекторомъ французскаго языка. Въ 1900—1901 и 1901—1902 уч. годахъ преподавалъ греческій языкъ. Съ 14 марта 1906 г. по 10 янв. 1909 г. состоялъ членомъ академическаго правленія. По введеніи въ дѣйствіе временныхъ правилъ объ академической автономіи М. Д. Муретовъ избранъ былъ инспекторомъ академіи (4 нояб. 1906 г.), но оставался въ этой должности только въ теченіе одного года (по 26 окт. 1907 г.). Къ концу своей жизни покойный состоялъ почетнымъ членомъ всѣхъ четырехъ духовныхъ академій: съ 1911-го Московской, съ 1912 г.—Петроградской, съ 1913-го—Казанской и съ 1914-го—Кіевской.

Такова несложная біографія почившаго Митрофана Дмитріевича Муретова. Она не сложна, потому что ее ничемъ не хотѣлъ осложнять самъ почившій. Его не влекла къ себѣ внѣшняя дѣятельность; его не интересовали жизненные успѣхи и житейскія удобства. До конца своей жизни онъ оставался типичнымъ „деревенскимъ“ профессоромъ. Не всякій могъ бы въ его приземистой неуклюжей и обыкновенно очень скромно одѣтой фигурѣ узнать знаменитаго ученаго, профессора высшей школы. Общественная дѣятельность не была призваніемъ почившаго. Избранный инспекторомъ академіи, онъ поспѣшилъ отъ этой должности освободиться черезъ годъ, причемъ послѣ недобрымъ словомъ поминалъ этотъ годъ, увѣряя что за этотъ годъ онъ на десятилѣтіе сократилъ свой вѣкъ. Родной и любимой стихіей почившаго была наука. Здѣсь онъ былъ могучъ. Здѣсь онъ великъ и знаменитъ.

Митрофанъ Дмитріевичъ Муретовъ не былъ аккуратнымъ ученымъ, какими мы привыкли представлять себѣ профессоровъ нѣмецкихъ. Подъ аккуратнымъ ученымъ мы разумѣемъ такого, который пишетъ книгу за книгой въ своей специальности. Аккуратный ученый беретъ себѣ тему для работы и, пока онъ занятъ этой работой, для него перестаетъ существовать все прочее многообразіе ученыхъ интересовъ. Въ ученой дѣятельности Митрофана Дмитріевича, какъ

профессора, мы видимъ тѣ же черты, какія мы отмѣтили еще въ его студенческихъ занятіяхъ. Онъ работаетъ надъ тѣми вопросами, которые его заинтересовали, которые его увлекли. Научная работа отвѣчала лишь его внутренней потребности; внутреннему горѣнію его научнаго духа. Многія изъ ученыхъ книгъ и статей Митрофана Дмитріевича написаны, можно сказать, по увлеченію. Этимъ характеромъ ученой дѣятельности М. Д. объясняется, нужно думать, тотъ фактъ, что отъ него осталось не мало печатныхъ трудовъ неоконченныхъ, таковы, напр., о взаимномъ отношеніи первыхъ трехъ евангелій или объ Иудѣ предателѣ, хотя этотъ послѣдній трудъ начинался печатаніемъ дважды—въ 1883 году въ Православномъ Обзорѣніи и въ 1905 въ Богословскомъ Вѣстникѣ. Неоконченные труды свидѣтельствуютъ, что пишущая рука не поспѣвала за мыслящимъ духомъ. Новый интересъ увлекалъ М. Д. въ сторону и онъ бросалъ уже начатую работу. Иныя печатныя работы зарождались у М. Д. Муретова во время обязательныхъ рецензентскихъ занятій. Читая чужой трудъ, представленный на ученую степень или на премію, М. Д. самъ входилъ въ кругъ вопросовъ, обсуждаемыхъ въ этомъ трудѣ, увлекался какимъ-либо частнымъ вопросомъ. Въ результатъ получалась обширная рецензія съ самостоятельнымъ рѣшеніемъ того или другого частнаго вопроса. Таковы рецензіи на книги Н. П. Розанова объ Евсеѣи Памфилѣ, Г. А. Воскресенскаго о древне-славянскомъ евангелии, П. И. Цвѣткова о Романѣ Сладкопѣвцѣ, Ѳ. И. Мищенко о рѣчахъ ап. Петра въ кн. Дѣяній, Н. Л. Тунницкаго о Климентѣ Словенскомъ и др. Переводъ экзегетическихъ трудовъ преп. Ефрема Сирина даетъ поводъ къ написанію одной статьи и цѣлаго спеціальнаго изслѣдованія объ апокрифической перепискѣ ап. Павла съ коринѳянами.

Еще съ юныхъ лѣтъ таившаяся въ душѣ М. Д. Муретова склонность къ философіи нѣкоторыми характерными чертами сказалась и на его позднѣйшихъ трудахъ по Священному Писанію. Имѣвшій рѣдкую филологическую подготовку къ экзегетическимъ работамъ, многими своими трудами показавшій свою способность къ кропотливой усидчивой работѣ. — Митрофанъ Дмитріевичъ, однако, выше всего ставилъ идеологію Новаго Завѣта, новозавѣтное богословіе. Понятно, что онъ не могъ написать какого-либо обширнаго

комментарія на пѣлюю новозавѣтную книгу съ филологическими и историко-археологическими справками къ каждому почти слову текста, какъ это мы имѣемъ во множествѣ комментариевъ, преимущественно нѣмецкихъ. Въ 1899 году М. Д. началъ было печатать „истолковательное обзорѣніе“ евангелія по Матѳею, но это было именно краткое обзорѣніе, при которомъ авторъ слѣдилъ лишь за основными идеями евангелія, а не давалъ постишнаго комментарія въ общепринятомъ смыслѣ этого слова. Притомъ „обзорѣніе“ прервалось на 8-й главѣ: дойдя до пророчества Исаи о рабѣ Божіемъ (Мѳ. 8, 17), М. Д. увлекся спеціальнымъ изслѣдованіемъ этого вопроса и объ одномъ этомъ стихѣ написалъ 27 страницъ, тогда какъ всему предыдущему тексту евангелія было посвящено въ „обзорѣніи“ всего 78 страницъ. Планъ и принятый масштабъ работы былъ разрушенъ и она не увидѣла продолженія. М. Д. предпочиталъ печатать статьи, посвященныя истолкованію всего лишь нѣсколькихъ стиховъ, причемъ можно было предложить какое-либо особенное оригинальное пониманіе того или иного мѣста, даже одного слова. Таковы толкованія 1 Кор. 13, 12 (Богословскій Вѣстникъ, 1905, т. 1, стр. 296—310), 1 Кор. 14, 20—25 (Б. В. 1904, т. 2, стр. 496—520) и др. Въ этихъ случаяхъ давалось толкованіе не того, что и безъ толкованія понятно, а что не понятно и при усиленіи и напряженіи мысли. Постишные комментаріи, которыми такъ богата наука западная, представлялись М. Д. схоластикой и о нихъ онъ иногда выражался въ своихъ трудахъ довольно рѣзко. На каждый стихъ, говорилъ М. Д., написано по шкапу книгъ, но все это схоластика, отъ *σχολή*—досугъ, бездѣлье. Обиліе подобныхъ трудовъ М. Д. Муретовъ склоненъ былъ объяснять нежеланіемъ или неумѣньемъ ученыхъ людей найти себѣ серьезный идейный трудъ. Самъ же М. Д. неудержимо влекся къ идеологіи Писанія. Когда въ послѣдніе годы жизни М. Д. читалъ лекціи въ качествѣ свободнаго сверхштатнаго профессора, несвязаннаго никакими обязательными программами,—онъ читалъ именно новозавѣтное богословіе. За два года до смерти М. Д. напечаталъ въ высшей степени интересное, содержательное и глубокое изслѣдованіе, лучше сказать, конспектъ новозавѣтнаго богословія: „Новый Заѣтъ какъ предметъ православно-богословскаго изученія“ (Сбор-

никъ статей въ память столѣтїя Московской Духовной Академіи, т. 2. Сергіевъ посадъ 1915, стр. 593—666). Этотъ почти послѣдній печатный трудъ М. Д. сопровождается слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Все, здѣсь изложенное, составляло предметъ нашихъ академическихъ чтеній, съ самаго вступленія нашего на академическую кафедру,—сначала по частямъ и внѣ системы, при объясненіи отдѣльныхъ мѣстъ Новаго Завѣта, въ видѣ экскурсовъ,—а въ послѣдніе годы—въ видѣ систематическаго обзорѣнія основныхъ понятій Новаго Завѣта“ (Сборникъ, стр. 666. Отд. отт. стр. 74). Здѣсь М. Д. выразилъ свой взглядъ и на основныя задачи новозавѣтной науки. „Всѣ церковно-богословскія и свѣтскія дисциплины, соприкосновенныя съ Новозавѣтнымъ Богословіемъ, хотя и необходимо должны быть изучаемы научно, но отнюдь не самостоятельно и особно, а только въ качествѣ служебныхъ пособій и вспомогательныхъ орудій для научной системы Новозавѣтнаго Богословія. Это—только краски для живописи, инструменты для музыки, слова для поэзи. Вспомогательныя дисциплины конечно необходимы для Богословія, какъ химическіе заводы, фабрики музыкальныхъ инструментовъ и грамматики необходимы для Ивановыхъ, Глинковъ и Крыловыхъ. Но сами по себѣ, какъ самоцѣль и самодовлѣмость, безъ Богословія, онѣ такъ же нелѣпы, какъ краски безъ живописцевъ, музыкальные инструменты безъ композиторовъ и музыкантовъ, грамматики безъ писателей и ораторовъ. Въ Богословіи только ихъ смыслъ, цѣль и жизнь,—безъ него онѣ лишаются духа животворящаго и обращаются въ мертвящую букву. Описуемое и ограниченное по буквѣ и исторіи, Слово Божіе неопишуемо и безгранично по духовно-созерцательной сторонѣ, какъ неопишуемо и безграниченъ по существу Своему изрекшій его Богъ. Поэтому оно должно быть изъясняемо и изслѣдуемо по Христу, т. е. подъ руководствомъ идеи богочеловѣчества, и по высокимъ идеаламъ духа,—а не по іудейски низводится къ тѣлу и землѣ, т. е. къ буквѣ и исторіи, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые изъ лженменныхъ христіанъ. Тайна богочеловѣчества (Новый Завѣтъ) есть духовное исполненіе закона (Ветхий Завѣтъ) чрезъ упраздненіе буквы мертвящей и проявленіе духа животворящаго. Буквалисты историкки не уразумѣваютъ тайны боговоплощенія и не желаютъ быть по

образу и подобію Божію, т. е. не стремятся къ обоженію, богочеловѣчеству и богосовершенству. Напротивъ, они хотятъ быть землею и въ землю отойти вмѣсто вознесенія духомъ на небо—къ Богу, въ воздухъ—къ духовному свѣту, на облакахъ—высокими созерцаніями въ срѣтеніе Господа и для всегдашняго съ Нимъ сопребыванія чрезъ духовное умосозерцаніе. Смысль буквально-историческій есть внѣшняя и видимая сторона Слова Божія, его одежда,—а духовно-созерцательный смыслъ или богословскія идеи суть его внутреннія, сокровенная, невидимая сторона,—его тѣло или существо: та закрываетъ внутренній смыслъ Писанія, эта открываетъ.

Такова существенная и преимущественная сторона Новаго Завѣта. Безъ нея всё эти новозавѣтныя цейтгешихты, евангельскія и апостольскія хронологіи, неизвѣстныя Церкви жизни и характеристики Христа,—исторіи текста, канона, вопросы о подлинности и достовѣрности,—филологическія изысканія, археологическія и историческія справки, даже всё многотомные комментаріи... окажутся мертвыми костями безъ плоти живой и духа,—жалкимъ и несмысленнымъ занятіемъ взрослыхъ людей дѣтскими игрушками,—или, по крайней мѣрѣ, безъидейнымъ и бездѣльнымъ научнымъ спортомъ людей, нежелающихъ или неумѣющихъ найти себѣ *серьезный идейный трудъ*. Это—трагедія цѣлой жизни, даже многихъ поколѣній, донкихотствующихъ ученыхъ теологовъ. Разумѣемъ главнымъ образомъ нѣмецко-протестантскую историко-филологическую школу.

„Изслѣдуйте Писанія, потомучто вы думаете въ нихъ *жизнь вечную* имѣть, и они свидѣтельствуютъ о *Мнѣ*“ (Іоан. 5, 39). Благо, Богочеловѣкъ и Вѣчная Жизнь—вотъ начало, середина и конецъ Новозавѣтнаго Богословія, долженствующаго составить главную задачу нашего церковно-православнаго и научно-богословскаго изученія Новаго Завѣта“ (Сборникъ статей, стр. 663—665. Отд. отд. стр. 71—72).

Та статья юбилейнаго сборника, изъ которой мы привели эту выдержку, и представляетъ какъ бы конспектъ Новозавѣтнаго Богословія, какъ его представлялъ себѣ уже въ концѣ своей профессорской дѣятельности почившій Митрофанъ Дмитріевичъ. Основныя понятія этого богословія изложены въ этой статьѣ, по собственному признанію автора,

„Только въ самыхъ общихъ чертахъ, кратко и отрывочно“. Главнымъ предметомъ Новозавѣтнаго Богословія должна быть идея Богочеловѣчества. Новозавѣтная гносеологія должна быть методологическимъ принципомъ для систематическаго построения новозавѣтной идеологіи. Благо и блаженство суть первопричина, конечная цѣль и высшій смыслъ бытія и жизни. Эти идеи должны господствовать въ новозавѣтной теологіи, космологіи и антропологіи. Субъективно-человѣческое условіе и средство къ осуществленію блага и блаженства въ мірѣ есть вѣра. Логосъ—Сынъ Бога воплотившійся и Спаситель Богочеловѣкъ есть объективный предметъ вѣры человѣка и объективное условіе осуществленія блага и блаженства въ мірѣ. Субъективнымъ слѣдствіемъ и цѣлью вѣры человѣка въ Спасителя Богочеловѣка является спасеніе человѣка. Объективно-историческое слѣдствіе и проявленіе вѣры человѣка въ Спасителя-Богочеловѣка и объективно-историческое осуществленіе блага и блаженства въ мірѣ есть Церковь. Полное осуществленіе открытаго человѣку блага и блаженства и конечная цѣль бытія достигается въ жизни вѣчной. Такимъ образомъ, основу Новаго Завѣта. и какъ Писанія и какъ религіи, представляютъ идея и лице Спасителя-Богочеловѣка.

„Частныя и неясныя чаянія и стремленія всѣхъ религій,—а также и всѣхъ поэзій, художествъ и философіи, поскольку всѣ онѣ, своими лучшими или идеальными сторонами, соприкасаются съ религіей,—Новый Завѣтъ не только собираетъ и проявляетъ въ одной высшей и средоточной идеѣ Богочеловѣка-Спасителя, но и осуществляетъ эту идею въ идеальномъ лицѣ дѣйствительнаго Богочеловѣка-Спасителя Иисуса Христа, являясь выраженіемъ и осуществленіемъ всѣхъ наивысшихъ религіозно-нравственныхъ потребностей и запросовъ человѣческой души, какъ образа Бога, а слѣдовательно христіанки по самой своей природѣ,—дѣйствительнымъ и дѣйственнымъ идеаломъ всѣхъ религій. Въ этомъ и есть непреоборимая и неотразимо вседѣйственная, даже всемогущая сила христіанства,—существеннѣйшая сторона Новаго Завѣта. Христіанство есть религія, преобразующая человѣка по образу Спасителя-Богочеловѣка и перерождающая плоть человѣка изъ тѣла душевнаго въ тѣло духовное,—религія богочеловѣчества и богосовершенства

человѣка“ (Сборникъ статей, стр. 605—606. 608. Отд. отд. стр. 13—14. 16).

Таковы основныя идеи, которыя самъ М. Д. Муретовъ считалъ существеннѣйшими во всемъ томъ, что онъ писалъ. По частямъ эти идеи разсѣяны въ разныхъ сочиненіяхъ М. Д.—ча. Осталось послѣ него нѣсколько специальныхъ научныхъ трудовъ, посвященныхъ тому или другому вопросу, независимо отъ обще-богословскихъ идей автора. Таковы труды, напр., объ апокрифической перепискѣ ап. Павла съ коринѳянами, о Новомъ Завѣтѣ святителя Алексія. Такова докторская диссертация о ветхозавѣтномъ храмѣ ¹⁾. Но большинство литературнаго наслѣдія М. Д. Муретова пронизано, какъ руда золотоносными жилами, богословскими идеями. Своихъ излюбленныхъ идей М. Д. не забываетъ и постоянно, часто легкими намеками, ихъ повторяетъ. Иногда богословско-идейное освѣщеніе вопроса сочетается вмѣстѣ со специально научнымъ его изслѣдованіемъ. Таковъ, напр., трудъ о Родословіи Христа (Москва 1904). Книга мѣстами, особенно въ главѣ 7-й (стр. 112—137), носитъ специально-научный характеръ. Однако всему труду поставлена особая задача: „уяснить то нравственно-религіозное значеніе, какое въ сознаніи евангелиста имѣло, а потому и для нашего вѣросознанія должно имѣть, какъ каждое слово евангельское вообще, такъ и перечисленіе предковъ Господа—въ частности“ (стр. 3). И дѣйствительно, перечень родословныхъ именъ у М. Д. обращается въ исторію Мессіи въ связи съ исторіей мессіанскаго народа (стр. 17—18).

Такимъ же характеромъ отличается и, къ сожалѣнію, не dokonченная въ печати и не вышедшая отдѣльнымъ изданіемъ работа М. Д. Муретова объ Іудѣ Предателѣ. Въ общемъ очеркѣ напечатанная еще въ 1883 году, въ 1905—1908 г.г. эта работа разрослась (въ Богословскомъ Вѣстникѣ 1905, т. 2, стр. 539—559; т. 3, стр. 39—68; 1906, т. 1, стр.

¹⁾ Въ настоящей посвященной памяти нашего учителя статьѣ мы имѣемъ цѣлью лишь кратко охарактеризовать руководящія идеи научной дѣятельности почившаго наставника. Тяжелыя обстоятельства времени, въ частности крайне неблагоприятныя для науки, не позволяютъ намъ теперь же дать подробный обзоръ всего ученаго наслѣдія, оставленнаго богословской наукѣ М. Д. Муретовымъ.

32—68. 246—262; 1907, т. 3, стр. 723—754; 1908, т. 1, стр. 1—52) въ обширное изслѣдованіе, со многими специальными экскурсами и специальными приложениями. Часто эти экскурсы касаются мелочей (имени „Искаріотъ“, цѣны серебряника и др.). Но во всемъ трудѣ М. Д.—ча дается оригинальное идейно-богословское освѣщеніе всей исторіи послѣднихъ дней земной жизни Господа съ предательствомъ Іуды въ центрѣ. „Во все время слѣдованія за Христомъ Іуда твердо стоялъ на почвѣ общецудейской національной плотяности, матеріалистическаго утилитаризма, возделѣній внѣшне-политическихъ и социалистическихъ, а не ожиданій нравственнаго перерожденія и осуществленія идеаловъ духа. Жизнь не изъ-за глагола Божія, а изъ-за хлѣба только,—не любовь и блаженство правды Божіей, а кормленіе голодныхъ, благоденствіе всѣхъ, Соломоновы шатры и золото равноцѣнное камню,—не поэзія жизни, духа и любви, а проза смерти, плоти, сухаго экономическаго разчета,—мамона и золотой чувственный телець, а не Богъ-Отець, Сынъ, Духъ, Богъ—вѣра, надежда, любовь. Эта „ничего не значущая плоть (Ин. 6, 63) и содѣлала Іуду Искаріота изъ апостола діаволомъ, изъ ученика измѣнникомъ, изъ друга предателемъ Господа. Окончательно убѣдившись въ полной противоположности идеала Христова съ своими національно-политическими и плотяно-эгоистическими возделѣніями, Іуда идетъ туда, гдѣ были очагъ и гнѣздо всѣхъ этихъ утопій,—къ столичнымъ архіереямъ, и предаетъ имъ „Кровь Невинную“ (Богословскій Вѣстникъ, 1905, т. 3, стр. 46—47).

При такомъ устремленіи мысли писателя въ высокую сферу богословской созерцанія и идеологіи труды М. Д. Муретова являются однимъ изъ рѣдкихъ исключеній въ такъ часто сухой и безжизненной экзегетической литературѣ. *Они насыщены богословскимъ содержаніемъ.* Это ихъ отличительная черта. Многія статьи М. Д. нельзя быстро читать. Ихъ слѣдуетъ читать медленно. Ихъ нужно изучать. Въ нихъ нужно вдумываться. Часто гдѣ-нибудь въ маленькомъ подстрочномъ примѣчаніи, въ мимолетномъ замѣчаніи въ скобкахъ—дана интересная, оригинальная мысль. При чтеніи трудовъ М. Д. Муретова читатель не чувствуетъ себя въ положеніи человѣка, шелкающаго пустыне орѣхи. Подъ скорлупой иногда тяжеловѣсной рѣчи всегда откры-

вается полное и здоровое зерно богословской мысли. Въ трудахъ М. Д. Муретова сжатость и содержательность часто идутъ въ ущербъ ихъ общедоступности. Такъ М. Д. Муретовымъ всего на 40 печатныхъ страницахъ дано истолкованіе всей нагорной бесѣды Господа, но эти сорокъ страницъ по богатству идейнаго содержанія и по возвышенности его стѣять многихъ и стоятъ несравненно выше многихъ подробныхъ комментаріевъ. Здѣсь между прочимъ въ евангеліи указана плодотворная богословская идея тождества добродѣтели и блаженства, какая положена въ основу лучшихъ нашихъ трудовъ по вопросамъ православнаго ученія въ отличіе отъ латино-нѣмецкаго, католическо-протестантскаго. Окончивъ обзоръ блаженствъ (М. Д. всецѣло отвергалъ странный терминъ: „заповѣди блаженства“), М. Д. пишетъ: „подвигъ достиженія человѣкомъ правды Божіей не требуетъ никакой внѣшней награды и въ себѣ самомъ заключаетъ несравнимое ни съ какою наградою, *самоблаженство* удовлетворенія врожденной, наивысшей и самой сильной потребности богоподобнаго духа человѣческаго“ (Отд. отг. стр. 60). На этихъ же 40 страницахъ дано, часто на 1—2 листкахъ, глубоко-идейное и систематически-стройное рѣшеніе съ евангельской точки зрѣнія такихъ сложныхъ, запутанныхъ неумѣлыми толкователями Священнаго Писанія, вопросовъ, какъ вопросы о войнѣ, о клятвѣ и присягѣ, о разводѣ. Высказанные здѣсь взгляды должны бы войти въ общепринятый обиходъ православной богословской науки. Въ этихъ вопросахъ богословская теорія соприкасается съ крикливой жизнью и подъ вліяніемъ житейской практики многіе готовы отречься отъ богословской теоріи, часто даже не могутъ ея понять и усвоить. Въ положеніяхъ 5-й главы евангелія по Матѳею М. Д. Муретовъ видѣлъ не внѣшне дѣйствующія заповѣди, нормирующія тѣ или другія стороны человѣческой жизни. Тамъ онъ видѣлъ и указывалъ лишь моральныя сужденія и нравственные идеалы, стоящіе всегда выше жизни съ ея неизбѣжными недостатками „вслѣдствіе зла—*ἐξ τοῦ ποττοῦ*“, пока это зло не препобѣждено добромъ и пока добро не отдѣлилось отъ зла. Для поясненія того, какъ Христосъ „исполнилъ“ законъ, М. Д. Муретовъ приводитъ слова ап. Павла о томъ, что Христосъ „законъ заповѣдей ученіями (*ἐν δόξαισι*) упразднилъ“ (Еф. 2, 15). Вѣтко-

завѣтный законъ былъ изложенъ въ заповѣдяхъ, предназначенныхъ для нормированія общественно-государственной жизни. Эта внѣшняя и временно историческая форма ветхозавѣтнаго закона Христомъ упразднена. Взамѣнъ ветхозавѣтнаго закона поставлены во всей ихъ вѣчной чистотѣ и красотѣ моральныя догмы, нравственныя идеалы, обращенныя къ облагодатствованной христіанской личности, но по самому существу своему не могущіе немедленно и вполнѣ воплотиться въ жизни общественной и государственной.

Православная новозавѣтная наука всегда занималась не только положительнымъ раскрытіемъ смысла Писаній, но и опроверженіемъ суемудрія еретиковъ и невѣровъ. Имѣемъ мы и отъ М. Д. Муретова цѣлый рядъ трудовъ и статей характера апологетическаго. Апологетика при изслѣдованіи книгъ Свящ. Писанія нерѣдко принимаетъ характеръ мелочной. Это тогда, когда православный ученый съ достойнымъ лучшимъ примѣненіемъ усердіемъ гоняется за безконечнымъ разнообразіемъ гипотезъ и мнѣній отрицательной школы. Апологетическія труды М. Д. Муретова носятъ иной характеръ. Съ мнѣніями рационалистовъ отрицателей М. Д. имѣетъ дѣло, главнымъ образомъ, въ своихъ очеркахъ по исторіи западной протестантской экзегетики, посвященныхъ разбору теоріи Эйхгорна, Павлюса, Канта, Шлейермахера, представителей новой нѣмецкой ортодоксіи и др. (очерки печатались первоначально въ Богословскомъ Вѣстникѣ за 1892 годъ), и въ трудѣ о „Жизни Иисуса“ Эрнеста Ренана, который сначала печатанъ былъ въ Богословскомъ Вѣстникѣ за 1892—1894 годы, а въ 1907 году появился въ переработанномъ видѣ въ приложеніи къ журналу Странникъ. Въ этихъ трудахъ М. Д. Муретовъ доходитъ и доводитъ читателя до основныхъ истоковъ отрицательной мысли, въ связи съ этимъ опредѣляетъ положительное значеніе церковнаго преданія для православной богословской науки и устанавливаетъ задачу церковной апологетики въ наукѣ о Свящ. Писаніи. „Прародитель протестантизма Лютеръ увидѣлъ древо познанія, что оно добро въ снѣдъ и красно есть еже разумѣти. Онъ совершилъ преступное погрѣшеніе соборнаго самосознанія Церкви и отрѣзалъ себя отъ живаго всеединства Церкви. Сорванный плодъ палъ на тучную землю еамоволія и умничанья (резонерства). И взявшіе отъ плода

его яде... и отверзюшася очи и разумѣша, яко назви бѣша. И вотъ къ тридцатымъ годамъ настоящаго (19-го) столѣтія протестантизмъ представлялъ уже полную богословско-философскую анархію“ (Б. В. 1892, т. 2, стр. 359). „Всякій христіанинъ или община христіанская, какъ скоро отлучаются отъ общецерковной соборности въ отдѣльную и самовольную особу,—уже не могутъ имѣть самодостовѣрности и непогрѣшимости именно потому, что не проникаются общесоборнымъ сознаніемъ Церкви и перестаютъ подлежать таинственному дѣйствию соборности Церкви Христовой. Съ обособленіемъ общины или лица неизбежно возникаетъ для нихъ потребность въ самоудостовѣреніи, въ доказательствахъ, въ построеніяхъ. Непосредственно живое самосознаніе Церкви Соборной замѣняется работами частныхъ лицъ, разномѣніями, отвлеченными аргументами и схоластикою. На мѣсто самодостовѣрной, самодовлѣющей, ясной и безусловной вѣры становится лжеименное знаніе и искусственныя построенія, шаткія теоріи, спорныя положенія, идеалы ума, сердца и воли. А какъ доказательства, имѣющія значеніе для одного времени и извѣстнаго круга лицъ, въ другую эпоху и для другихъ людей могутъ оказываться безсильными, а то и совсѣмъ ложными, то возникаютъ новыя построенія, которыя искусственно примиряются съ прежними, т. е. появляются софистика и схоластика. Цѣпляясь ограниченнымъ умомъ своимъ за ту или другую сторону истины общественнаго сознанія Церкви, каждое отдѣлившееся общество неизбежно идетъ путемъ одностороннимъ и къ ложнымъ выводамъ“ (Б. В. 1893, т. 4, стр. 104—105; Эрнестъ Ренанъ и его „Жизнь Иисуса“. СПб. 1908, стр. 153—154). „Соборность Церкви, какъ тѣла Христова, есть послѣднее, наивысшее и самодостовѣрное свидѣтельство и выраженіе непогрѣшимости церковнаго самосознанія“ (стр. 103). „Только вся цѣлокупность Церкви Соборной, возглавляемой и оживляемой Христомъ и Духомъ, имѣетъ въ себѣ самой непосредственное и самодовлѣющее удостовѣреніе и сознаніе своей истинности и непогрѣшимости. Одна только Соборно-Православная Церковь оставалась, остается и навсегда останется вѣрною хранительницею апостольскаго и отеческаго преданія, тождественною себѣ самой и непосредственно самоудостовѣренною въ томъ, что она соборна, безусловна, истинна, есть живое тѣло жи-

ваго Христа и осѣнена Духомъ Святымъ, представляетъ живую цѣлокупность (*жаѢ Ѣлог, каѢоложнѣ*) и соборность христіанскаго вѣро- и самосознанія“ (стр. 107).

„Отсюда для *научнаго* самоудостоверенія и для самозащиты Церкви православная наука должна выполнить только слѣдующія два условія: первое—раскрыть бездоказательность отрицательнаго свое- и суемудрія и безсиліе вражескихъ нападеній на твердыни Церкви; второе—доказать, что извѣстная, подвергающаяся вражескимъ нападеніямъ, истина всегда составляла и представляетъ *необходимое* содержаніе соборнаго сознанія Церкви. Первое составляетъ отрицательную задачу православной науки, пбо безсиліе нападающаго служить вѣрнымъ знакомъ мощи защищающагося. Второе служить положительною задачею науки, доказывая, что Церковь, имѣющая Христа своимъ краеугольнымъ камнемъ и Имъ возглавляемая и охраняемая, есть такая твердыня, которую никогда не одолѣють силы ада“.

„Впрочемъ, и безъ нарочитыхъ доказательствъ, многовѣковой исторической опытъ уже показалъ непоколебимую твердость Церкви и безсиліе враговъ ея. Вѣковыя нападенія всевозможныхъ враговъ и со всѣхъ сторонъ не поколебали ни единаго камня въ соборномъ вѣросознаніи Церкви. Напротивъ того, какъ градъ Бога Живаго, она постоянно расширяется все болѣе и болѣе и возрастаетъ въ стройное зданіе Святаго Храма въ Господѣ, до исполненія всею полнотою Божіею, доколѣ созиданіе тѣла Христова приведетъ всѣхъ въ единство вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершеннаго и въ мѣру возраста полноты Христовой. А нападающіе открыто, злобствующіе тайно и просто не знающіе истины Христовой—гдѣ они? По истинѣ, это—безводныя облака и мглы, гонимыя бурей и носимыя вѣтромъ,—звѣзды блуждающія,—свирѣпыя морскія волны пѣнящіяся:—произнося надутое пустословіе, они только уловляютъ тѣхъ, кои едва отстали отъ вращающихся въ заблужденіи. Они постоянно появляются и исчезаютъ, какъ дождевые пузыри, не оставляя послѣ себя никакого вреда для Церкви“ (стр. 108).

Приведенныя слова ясно показываютъ, какое значеніе въ богословскихъ построеніяхъ и научныхъ изслѣдованіяхъ Митрофана Дмитріевича имѣла идея Церкви. Если въ его Новозавѣтномъ Богословіи господствуетъ идея богочеловѣ-

чества, то въ его апологетикѣ и въ его исагогикѣ на первомъ мѣстѣ стоитъ идея Церкви, которая и даетъ послѣднее основаніе всѣмъ научнымъ соображеніямъ. Можетъ быть потому М. Д. сравнительно мало писалъ по исагогикѣ. Вѣра въ Церковь замѣняла для него исагогику и исагогикѣ онъ не придавалъ самостоятельнаго научнаго значенія. Безъ вѣры въ Церковь она ничего не можетъ доказать. Всѣ почти исагогическіе матеріалы даны М. Д. чемъ въ приложеніи къ его труду о Ренантѣ (первоначально въ Богословскомъ Вѣстникѣ за 1894 г. т. 4, стр. 33—66). Но какъ даны? Въ видѣ цѣлыхъ страницъ цитатъ, безъ подробнаго ихъ изложенія и обсужденія, напечатаны мелкимъ шрифтомъ. Видно, что писать по исагогическимъ вопросамъ подробно—лежало внѣ идейныхъ интересовъ М. Д. Муретова.

Идея же Церкви М. Д. ча весьма привлекала и имъ не мало сдѣлано для ея разъясненія. Среди трудовъ М. Д. ча есть одинъ наиболѣе спеціальнѣйшій — Древне-еврейскія молитвы подъ именемъ ап. Петра (Свято-Троицкая Сергіева Лавра 1905). Къ этому труду сдѣлано весьма серьезное приложеніе о значеніи термина *καθολικός*. Здѣсь собранъ богатѣйшій матеріалъ для исторіи этого термина и сдѣланы кратко напрашивающіеся изъ него выводы. Терминъ *καθολικός* М. Д. Муретовъ понималъ въ смыслѣ цѣлокупности, соборности Церкви и это пониманіе считалъ характернымъ для православнаго востока въ отличіи его отъ Запада, гдѣ рано уже сказалась склонность понимать этотъ терминъ въ смыслѣ пространственной вселенскости Церкви. Въ одной изъ своихъ рецензій (на книгу В. Троицкаго—Богословскій Вѣстникъ, 1913, т. 1) М. Д. Муретовъ кратко набросалъ величественную схему исторіи идеи Церкви, какъ эта исторія предносилась ему. Эта исторія для М. Д. Муретова еще въ древности раздѣлилась на два русла—западное и восточное. Западное съ характеромъ юридизма чрезъ *Civitas Dei* Августина дало въ концѣ папизмъ. Восточное осталось вѣрно мистикѣ и у православныхъ богослововъ представляло (въ Ареопагитикахъ, у Максима Исповѣдника и др.) Церковь какъ соборную цѣлокупность, какъ *μυστήριον συνάξεως*. Въ согласіи съ этой восточной традиціей, по мнѣнію М. Д. Муретова, православная Церковь находитъ свое существенное выраженіе въ живой соборности и эта соборность является

самымъ существеннымъ отличительнымъ признакомъ Церкви Православной.

Среди научныхъ заслугъ почившаго особо должна быть отмѣчена его переводческая дѣятельность. Болѣе двадцати лѣтъ почившій непрерывно занимался великимъ дѣломъ перевода святоотеческихъ твореній на русскій языкъ. Онъ былъ неизмѣннымъ и авторитетнымъ редакторомъ тѣхъ переводовъ, которые печатались при академическомъ журналѣ, а въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ и всѣ дѣло академическихъ переводовъ лежало на немъ одномъ. За эти именно годы М. Д. Муретовымъ единолично былъ переведенъ комментарий св. Кирилла александрійскаго на евангеліе Іоанна, комментарий, составляющій четыре тома твореній св. отца. Превосходная филологическая подготовка въ связи съ долготлѣтней практикой сдѣлали М. Д. Муретова весьма опытнымъ и авторитетнымъ переводчикомъ. Въ то же время изданные переводы М. Д.—ча имѣютъ нѣкоторыя свои особенности. Переводы М. Д.—ча обыкновенно снабжены различными научными примѣчаніями текстологическаго и экзегетическаго характера, причемъ эти примѣчанія нерѣдко разрастаются въ цѣлыя экскурсы съ истолкованіемъ наиболѣе трудныхъ мѣстъ Св. Писанія. Въ этомъ отношеніи особенно выдѣляется переводъ толкованія преп. Ефрема Сирина на посланія св. ап. Павла (Твореній ч. 7), научныя примѣчанія къ которому могутъ имѣть самостоятельное значеніе. Переводъ комментарія св. Кирилла сопровождается справками о славянскихъ чтеніяхъ всего четвертаго евангелія. Здѣсь же дана справка объ Іо. 7, 53—8, 11. Изслѣдованіе славянскаго текста Писанія М. Д. Муретовъ считалъ патриотическимъ долгомъ славянскихъ ученыхъ (см. напр. журналы собраній совѣта Московской Духовной Академіи за 1911 г., стр. 102). Во исполненіе этого долга М. Д. написалъ изслѣдованіе о переводѣ Новаго Завѣта святителемъ Алексіемъ, а въ примѣчаніяхъ къ переводу комментарія св. Кирилла далъ почти цѣлое изслѣдованіе славянскаго текста евангелія Іоанна. Кромѣ того, къ переводу толкованія св. Кирилла М. Д. присоединилъ обширнѣйшій (257 стр.) указатель. Этотъ указатель представляетъ изъ себя цѣлое изслѣдованіе богословскихъ и экзегетическихъ взглядовъ св. отца по его толкованію на евангеліе Іоанна. Послѣднимъ переводнымъ трудомъ

М. Д. Муретова было изданіе житія преп. Максима Исповѣдника и службы ему (1915 г.). Этотъ переводъ сдѣланъ не съ печатныхъ только изданій, но и съ греческихъ рукописей Московской Патриаршей Библіотеки. Переводъ сопровождается указаніемъ вариантовъ текста въ рукописяхъ и печатныхъ изданіяхъ житія преп. Максима, службы ему и синаксаря. Вотъ почему „житіе“ въ академическомъ изданіи разрослось въ цѣлый томъ (297 стр.).

Таковы въ краткомъ очеркѣ главнѣйшіе ученые труды М. Д. Муретова. Онъ служилъ въ академіи болѣе 38 лѣтъ, но во всемъ этомъ долгомъ періодѣ времени нѣтъ пустого мѣста, не заполненнаго учеными трудами. Вся профессорская жизнь почившаго была однимъ непрерывнымъ ученымъ подвигомъ, приносившимъ обильные и плодотворные плоды. Это была жизнь трудовая, кабинетная. М. Д. Муретовъ былъ больше ученымъ, нежели профессоромъ. Блестящія, строго отдѣланныя и болѣе или менѣе популярныя лекціи были не въ его обычаѣ. И среди его печатныхъ трудовъ мы найдемъ сравнительно немного отдѣланныхъ и выточенныхъ, художественно написанныхъ. Замѣтно, что ученый авторъ болѣе заботится о содержаніи своихъ трудовъ, нежели объ ихъ отдѣлкѣ. Вотъ почему М. Д. не стѣснялся часто переполнять свои труды даже и сырымъ матеріаломъ, сознавая, что этого матеріала иные сами и не найдутъ и не соберутъ въ томъ изобиліи, въ какомъ онъ имѣется у него. Присутствіе сырого матеріала въ сочиненіяхъ или въ особыхъ къ нимъ приложеніяхъ—одна изъ характерныхъ чертъ печатныхъ трудовъ М. Д.—ча. Еще къ докторской диссертациі о ветхозавѣтномъ храмѣ сдѣланы обширныя приложенія. То же видимъ въ трудахъ о Ренанѣ, объ Іудѣ Предателѣ, о древне-еврейскихъ молитвахъ съ именемъ ап. Петра, о христіанскомъ бракѣ. Для насъ въ настоящемъ случаѣ всѣ эти „приложенія“ характерны въ томъ отношеніи, что показываютъ наглядно, какое обиліе ученаго матеріала, взятаго изъ первоисточниковъ, было въ распоряженіи М. Д. Муретова и сколько усидчиваго и самоотверженнаго труда было въ его жизни. Ученый трудъ М. Д. Муретовъ цѣнилъ прежде всего и въ другихъ и этотъ трудъ онъ желалъ видѣть въ основѣ всей академической жизни. У М. Д. Муретова былъ свой идеаль академическаго строя, который онъ и

изобразилъ въ особо напечатанномъ „Проектъ устава православныхъ духовныхъ академій“ (1906). Въ этомъ уставѣ ясно видно, что автора интересуетъ только учебно-ученая сторона академической жизни, а сторона административно-воспитательная почитается не только не существенной, но едва-ли и не излишней. Такъ ректоръ академій переименовывается въ представителя и должность его состоитъ не въ начальствованіи и управленіи и не въ одномъ председательствѣ въ Совѣтѣ и Правленіи, а именно въ нужномъ *представительствѣ* отъ всей академій, ея Совѣта, Правленія, профессоровъ, преподавателей, прочихъ должностныхъ лицъ и студентовъ (Проектъ устава, стр. 19). Вотъ почему представителемъ Академій обязанъ быть каждый изъ старшихъ (ординарныхъ) профессоровъ, по порядку старшинства, въ теченіи одного академическаго года (стр. 19). Такъ же замѣщается и должность Помощника представителя (стр. 20—21). Требованіе своего устава М. Д. исполнилъ прежде всего самъ, оставаясь инспекторомъ академій только одинъ годъ. А вотъ разсужденія его о воспитательной части въ академической жизни. „Какъ грубо матеріалистическая, чисто внѣшняя и задачамъ высшей духовной школы не соответствующая, теперешняя оцѣнка нравственности и поведения студентовъ Академій должна быть признана безусловно вредною и развращающею, отъ нравственнаго идеала низводящею взоръ питомца къ цифрѣ и ея матеріальнымъ послѣдствіямъ, направляющею не къ Божьему, а къ человѣческому. Какъ правомочные граждане, учащіеся въ Академій подлежатъ ответственности по государственнымъ законамъ въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ. А специально-студенческіе и академическіе проступки должны подлежать корпоративнымъ судамъ чести—студенческимъ и профессорскимъ. И если для Церкви нужны, конечно, не „человѣки въ футлярахъ“ или вымуштрованные манекены, а люди духа, дерзновенія, характера, твердой воли и убѣжденій, то Академій должны отказаться отъ всякихъ внѣшне-матеріальныхъ мѣръ воздѣйствія на своихъ питомцевъ и всецѣло основаться на евангельскомъ законѣ любви Христовой и Божіей“ (стр. 7).

Совсѣмъ иначе въ своемъ „уставѣ“ говоритъ М. Д. Муретовъ объ учено-учебной сторонѣ академической жизни.

Его симпатіи склоняются къ уставу 1869 года. Его привлекаетъ система спеціализаціи и свободы научныхъ занятій. М. Д. въ своемъ уставѣ выступаетъ сторонникомъ спеціализаціи духовныхъ академій. Общимъ недостаткомъ академическихъ уставовъ М. Д. считалъ неустойчивость и двойственность, колебаніе между *строго-богословской* школою Церкви и *по.цувствтекиль* факультетомъ университета, вслѣдствіе чего академическій студентъ невольно раздвояется и колеблется между Церковью и міромъ, а сила научно-богословскихъ впечатлѣній ослабляется и парализуется (стр. 4—5). Академическую же свободу М. Д. понималъ, какъ свободу избирать себѣ ту или другую группу научныхъ предметовъ, и вовсе не какъ свободу работать или не работать. Научная работа въ Академіи должна быть обязательной для всѣхъ. „О безконтрольности въ наукѣ и воспитаніи замѣчу, пишетъ М. Д., что она есть нѣчто фетишистическое, пережитокъ полудикаго состоянія и унизительна для честнаго человѣка. Правда и честность не боятся, а желаютъ провѣрки, ибо обидно пробавляться довѣріемъ, когда есть доказательства. Контроль, это—печать честности, двойная бухгалтерія въ наукѣ“ (стр. 13). Въ университетскихъ уставахъ послѣдняго времени была тенденція къ сокращенію количества ученыхъ степеней. М. Д. Муретовъ, въ своемъ „уставѣ“ ученые степени умножаетъ, отрицая ученый характеръ не основанной на печатномъ трудѣ кандидатской степени и вводя новую первую ученую степень лиценсіата „Въ академіяхъ, какъ школахъ спеціально-богословскихъ и закрытыхъ, можно желать и сверхдолжныхъ дѣлъ“ (стр. 42—43).

Таковы тѣ научные идеалы, которыми руководился въ своей жизни почившій М. Д. Муретовъ и эти именно идеалы образовали изъ него неустаннаго ученаго труженика, такъ много сдѣлавшаго для науки, что имени его не забудутъ всѣ, кому дороги и близки интересы православной богословской науки. Въ Московской же Академіи навѣки сохранится его память съ похвалами среди тѣхъ дорогихъ именъ, какія украшаютъ собою столѣтнюю исторію Академіи и которыя убѣждаютъ всѣхъ въ томъ, что эта исторія была не напрасно.

Но характеризуя почившаго профессора какъ ученаго подвижника, нельзя не сказать того, что ученые заслуги

и извѣстное ученое имя въ лицѣ почившаго соединено было съ удивительнымъ смиренномудріемъ. Ученые люди, какъ извѣстно, рѣдко обладаютъ добродѣтелью смиренія. Разумъ надмевааетъ. Самоувѣренность и повышенное самолюбіе весьма распространены въ ученой средѣ. Покойный М. Д. Муретовъ въ этомъ отношеніи былъ рѣдкимъ исключеніемъ. Въ немъ, прежде всего, не было самоувѣренности ни въ рѣшеніи вопросовъ научныхъ, ни въ отношеніи житейскомъ. Его ученики и читатели его сочиненій иногда вполне убѣждались его разсужденіями и усваивали его взгляды, но когда они вступали съ нимъ въ бесѣду, вдругъ слышали: „а можетъ это и не такъ!“ Въ академической библіотекѣ имѣются экземпляры сочиненій М. Д. Муретова, имъ самимъ исправленные. Въ своихъ ошибкахъ и недосмотрахъ онъ не смущался сознаться предъ всѣми. А иногда на поляхъ этихъ экземпляровъ мы видимъ довольно рѣзкія замѣчанія автора по своему собственному адресу. Ученое смиреніе М. Д. Муретова сказывалось въ томъ, что значенія своихъ ученыхъ трудовъ онъ не только не переоцѣнивалъ, но всегда не до-оцѣнивалъ. Появленіе новыхъ своихъ трудовъ объяснялъ соображеніями матеріальными. Когда всѣ четыре духовныя академіи избрали его своимъ почетнымъ членомъ,—онъ выражалъ недоумѣніе и старался этотъ фактъ объяснить независимо отъ своихъ научныхъ заслугъ. Легко и пріятно было вести съ М. Д. научную бесѣду и даже споръ: онъ прислушивался къ мнѣніямъ своего собесѣдника и оппонента, если таковымъ былъ даже и студентъ младшаго курса. Во всѣхъ вопросахъ М. Д. легко поддавался стороннему убѣжденію, но обыкновенно не надолго.

Смиренные люди всегда легки и пріятны въ общеніи. Таковъ былъ и почившій М. Д. Муретовъ. Въ общеніи его общее смиренномудріе обнаруживалось какъ простота быта и искренность отношеній къ людямъ. Его скромный домъ на Виѣанкѣ былъ очень просто обставленъ; въ немъ не было даже спеціальнаго ученаго кабинета. Но этотъ домъ обращенъ былъ хозяиномъ въ небольшую картинную галлерею, ибо, не имѣя спеціальныхъ художественныхъ дарованій и познаній, покойный съ удивительнымъ почтеніемъ относился ко всякому искусству и ко всѣмъ его дѣятелямъ, поставляя иногда искусство выше науки. Въ отношеніи къ

людямъ М. Д. Муретовъ былъ простъ и незлобивъ. Съ нимъ можно было браниться, но нельзя было съ нимъ быть во враждѣ. Для друзей же почившаго всякая съ нимъ бесѣда, всякое посѣщеніе его дома было истиннымъ наслажденіемъ, особенно когда хозяинъ оставлялъ свою видимую суровость и свойственную его характеру нѣкоторую самозамкнутость.

Скромна была по внѣшности вся жизнь почившаго профессора, скромна была и кончина этой жизни. М. Д. Муретовъ умеръ въ тѣ дни, когда волна революціи докатилась и до Академіи и произвела въ ней огорченіе и смущеніе. Внутренняя борьба со вмѣшательствомъ чужихъ новыхъ дѣятелей заполняла даже тѣ часы, когда любовь къ родной Академіи требовала отдать послѣдній молитвенный долгъ одному изъ ея славныхъ дѣятелей, а скромность почившаго связала молчаніемъ уста всѣхъ, желавшихъ сказать посильное слово любви при гробѣ своего любимаго учителя. Безъ особой торжественности, безъ вѣнковъ и рѣчей 14-го марта похороненъ былъ М. Д. Муретовъ около Академіи, которой онъ вѣрно служилъ всю свою жизнь.
